

# **Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика,**

## **Сессия 4,**

### **Теория общественного договора**

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 4, Теория общественного договора.

Хорошо, теперь мы поговорим о теории общественного договора.

Как я отметил в конце нашего обсуждения утилитаризма, одним из видов утилитаризма является утилитаризм правил, согласно которому мы стремимся соблюдать те правила, которые, если им следовать, максимизируют удовольствие для наибольшего числа людей. Теория общественного договора стремится следовать этой идее и предоставлять определенные правила, которые будут направлять нас как индивидуумов, а также все общество, и обосновывать наши концепции моральных обязательств, а также политических прав, на этих фундаментальных правилах, которые выбираются для руководства обществом. Идея заключается в том, что если мы как общество сможем прийти к какому-то соглашению о том, какими будут основные правила, чтобы направлять общество, то это сделает общество самым мирным, гармоничным, продуктивным, счастливым и удовлетворенным.

Это называется теорией общественного договора, потому что идея заключается в том, что вы создаете некое соглашение, формальное соглашение, между гражданами общества, чтобы достичь этого. Таким образом, это позволит избежать некоторых проблем, которые преследуют утилитаризм действий, таких как проблема применения, проблема прав и проблема справедливости, по крайней мере, если теория общественного договора преуспеет в других отношениях. Некоторые из основных сторонников теории общественного договора включают Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо и Джона Роулза.

Мы поговорим о трех из этих философов, начиная с Томаса Гоббса, который сказал, что страх и я родились близнецами, потому что его мать была беременна им во время затопления испанской Армады. Это было в 1588 году. Она не знала, что, ну, это будет конец.

Мы все умрем здесь, когда она об этом услышит, и она пошла рожать и родила Томаса Гоббса. Но он прекрасно справился. Парень прожил около 90 лет.

Но он написал эту книгу, «Левиафан», и это фронтиспис из этой книги, которая, если бы мы могли приблизить этого персонажа, держащего меч и трезубец или что-то еще, то он состоял бы из сотен или тысяч индивидуумов, что является хорошим образом для идеи общественного договора, где люди соглашаются, собираются вместе и договариваются об определенных основных принципах, чтобы направлять общество, чтобы они могли действовать так, как будто это один индивидуум. Теория общественного договора Гоббса является уникальной среди ранних современных теоретиков общественного договора, потому что он защищает своего рода абсолютный политический суверенитет. Другие теоретики общественного договора подчеркивают согласие управляемых и даже право на восстание.

Это не подход Гоббса. Он не верит в право революции. Но о других мы поговорим позже.

Во-первых, что касается Гоббса, то Гоббс начинает с этой концепции естественного состояния, в котором люди не управляются никакими законами, в котором люди просто получают от природы то, что хотят: еду, жилье, которое им нужно, и одежду, которая им нужна, и нет никакой управляющей власти. Какова была бы жизнь в таких обстоятельствах, существовало ли когда-либо истинное естественное состояние в истории человечества? Каково было бы это, если бы не было управляющих властей? По мнению Гоббса, это было бы состояние войны. Почему? Потому что мы с вами в какой-то момент захотим одного и того же.

И с ограниченными ресурсами, поскольку у нас нет бесконечного количества товаров, которые мы можем приобрести, в какой-то момент мы вступим в конкуренцию. И поскольку я хочу этого очень сильно, и вы хотите этого очень сильно, в какой-то момент это сводится к тому, что я буду сражаться с вами за это. Так? И это создает условия для войны.

И это не только мы с тобой. У вас сотни или тысячи других людей в таком состоянии. Это будет хаос.

Это будет кровавое месиво. И поэтому, в таком состоянии природы, как сказал Гоббс, жизнь одинока, бедна, отвратительна, жестока и коротка. Но кто хочет этого? Кто хочет жить в состоянии войны и вражды, где мы все живем в страхе? Нам нужно получить то, что мы хотим от природы, но я не хочу сражаться за это с людьми.

Тот факт, что люди примерно равны по уровню интеллекта и физической силы, усугубляет проблему. Потому что каждый из нас думает, что может его победить. Я могу придумать способ победить его.

И если мы одинаково уверены, что можем победить в этом соревновании, то это просто добавляет возможности или вероятности конфликта. Так что, просто чтобы как-то представить это здесь, у нас есть своего рода равенство надежды или способности достичь вещей в сочетании с нашим желанием тех же вещей. Вот что приводит к определенной вражде и состоянию войны в естественном состоянии.

Итак, вопрос в том, как мы можем преодолеть эту проблему? Как мы можем избежать этого состояния войны и, вероятно, бороться со страхом, который с ним связан? Мы не хотим всегда жить в страхе. Именно здесь Гоббс предполагает, что существуют определенные основные права и законы, которые применяются к нам только потому, что мы разумные существа. Самым фундаментальным правом природы, говорит он, является свобода самосохранения.

У меня есть право сохранить свою собственную жизнь. И у меня есть право использовать любую силу, которую я могу использовать, чтобы сохранить свою жизнь. Это основное право природы, основное право на жизнь, которое он там признает.

И затем он также утверждает, что есть фундаментальный закон природы, который соответствует этому праву на жизнь, свободе самосохранения. И это обязанность сохранять жизнь, базовый запрет на разрушение. Теперь, я не думаю, что он адекватно обосновывает этот закон природы и это право природы.

Он бы сказал, что это в конечном итоге основано на нашей способности как разумных существ. Но я хотел бы узнать кое-что еще. Что на самом деле обосновывает это основное право и этот закон? Откуда это берется? Просто апеллировать к нашему всеобщему желанию этих вещей и нашим разумным способностям недостаточно, но как бы то ни было.

Это его требование, и что мы должны стремиться уважать это право природы и соблюдать этот закон природы, чтобы сохранить жизнь. Итак, его предписание заключается в том, чтобы все люди вместе передали свои особые права какому-то суверенному лицу или, может быть, небольшому числу людей, но обычно это представляется как монарх, король или королева. Обменять наши права на этого политического суверена в обмен на обещание защиты и сохранения моей свободы.

Итак, я от чего-то отказываюсь, а что-то получаю. Мы тут заключаем сделку. Это контракт.

Это договор. Это соглашение, в которое мы собираемся вступить. И нам придется выбрать кого-то, кто заслуживает большого доверия.

Кто-то надежный и обладает таким характером, которому можно доверять, что он не будет злоупотреблять этой суверенной властью. Но то, что мы сделаем, это откажемся от ряда наших особых прав в обмен на обещание, что мы будем защищены. Даже если мы потеряем нашу абсолютную свободу, мы обречем защиту и больше не будем жить в страхе.

Поскольку этот суверен создает законы, которые наказуемы, если вы нарушаете эти законы, особенно за серьезные нарушения, и вы знаете, что можете сесть в тюрьму или быть казненным, если вы убьете или изнасилуете, то этот страх, который изначально характеризовал большую часть жизни в естественном состоянии, теперь применяется только к тем, кто нарушает эти законы. Вам не нужно ничего бояться, если вы просто соблюдаете законы. Итак, суверен создаст эти законы, и есть последствия, некоторые из них смертельные, если вы нарушаете самые важные законы, чтобы создать стабильное, гармоничное общество, а также устранить страх, который в противном случае помешал бы нам испытать истинное счастье.

Способ, которым эта передача и обмен осуществляются, — это общественный договор или соглашение. И в нашем обществе, опять же, у нас есть один такой договор, который называется нашей конституцией, но у нас есть и множество других законов. И мы обменяли определенную свободу на безопасность, верно? Я не могу просто ехать по дороге со скоростью 150 миль в час, если моя машина может ехать так быстро.

Я, наверное, могу ехать 100 или 120, но мне это запрещено. Я отказался от своей свободы, чтобы сделать это, понимаете, зная, что последствия будут такими, что меня арестуют или я получу серьезный штраф, может быть, у меня отнимут права, и тогда мои свободы будут прописаны еще больше. Так что я говорю, хорошо, я согласен не ездить дальше определенного предела, понимаете, который варьируется от дороги к дороге.

В обмен на эту безопасность я имею, потому что могу рассчитывать на то, что другие люди также будут соблюдать ограничения скорости, верно? И это защищает меня. Так что это сделка, которую мы заключаем. Это своего рода контракт, который мы заключаем с теми, кто управляет нами и нашими сверстниками в обществе.

Но в предложении Гоббса есть один суверен, который всем этим управляет, и корона в его время была очень рада видеть, что он укрепляет их политическую власть. Так что это то, что создает некоторые подозрения относительно реальных мотивов Гоббса у многих ученых. Однако были и другие теоретики

общественного договора, которые не были так заинтересованы в простой защите статус-кво с точки зрения божественного права королей и королев.

Одним из них был Джон Локк, который жил немного позже, и он тоже был британским мыслителем. В 1690 году он опубликовал два трактата о гражданском правительстве, и его второй трактат о гражданском правительстве был одним из самых влиятельных политических документов, когда-либо написанных. Наша Декларация независимости, Декларация независимости США, по сути, обобщает и применяет политическую теорию Локка.

Хорошим способом узнать, что думал Локк, было прочитать нашу Декларацию независимости. Наши отцы-основатели были очень проницательны в плане отслеживания того, что происходило в теории общественного договора в то время, а также оглядывались на древнегреческую и римскую мысль. И с этим новым миром, который они открыли, в котором они жили, который был открыт европейцами столетием или двумя ранее, они думали, эй, теперь, когда мы изгнали дикарей, как они их называли, это наш шанс начать с нуля.

У нас, по сути, естественное состояние. Конечно, коренные американцы сказали бы немного по-другому. Но как бы то ни было, несмотря на всю эту несправедливость, американцы в то время из Европы решили, что мы собираемся основать новую нацию.

К кому мы будем обращаться за руководством в плане создания этой новой системы? Они решили пойти с теорией общественного договора, которая по сути была версией Локка. Локк, как и Гоббс, начал с этого понятия естественного состояния, а также с идеи состояния войны и естественных прав и законов. Он считал, что Гоббс был в основном на правильном пути.

Локк определяет естественные права как жизнь, свободу и собственность. В нашей Декларации независимости Джефферсон немного изменил это, собственность на стремление к счастью, сделав это немного более обширным. Однако Локк верил в эти естественные права, а также в основной закон природы, обязанность не причинять вред другим людям.

Но нам нужно, опять же, разделить интуицию Гоббса, своего рода договор, чтобы сохранить эту свободу, обуздать человеческую природу, обеспечить права собственности. Итак, все это очень похоже на Томаса Гоббса, но Локк отходит от него в своем отрицании гоббсовской идеи абсолютного политического суверена. Он не считает, что это уместно, абсолютный суверенитет.

Он выступает за эту идею согласия управляемых. И к счастью, я бы сказал, к счастью, отцы-основатели считали, что это лучший путь. И давайте

придерживаться идеи Локка о согласии управляемых, где люди управляют сами собой посредством назначенных депутатов или политических представителей.

Итак, мы выбираем людей, которые служат нам на всех этих различных уровнях, местном, государственном и федеральном, чтобы они служили в этих различных качествах как законодатели, как те, кто также обеспечивает соблюдение закона, исполнительная функция и как судьи, которые судят по закону, даже есть своего рода трехсторонняя система управления с балансом властей, которую представлял себе Локк, как и другие теоретики общественного договора, такие как Монтескье. Но идея согласия управляемых довольно нова в настоящее время, что вы делаете людей, так сказать, косвенно суверенными. Итак, вы правите надо мной, гражданский судья, законодатель, исполнитель, президент, премьер-министр, и вы правите надо мной только потому, что я и мои коллеги это оговорили.

Мы поставили вас во власть. Мы проголосуем за вас, и мы можем проголосовать за вас против. Так что это своего рода правление по согласию управляемых.

И хотя именно отцы-основатели составили для нас этот общественный договор, и с тех пор сменилось много поколений, мы все связаны им. Локк использовал термин или фразу «молчаливое согласие» для применения здесь, где даже если человек не подписал этот общественный договор, и никто из ныне живущих не подписал Конституцию США, изначально ее подписали всего несколько десятков человек, но это должно было представлять всех людей. По сей день это представляет всех американцев.

Локк говорит по молчаливому согласию, что тот факт, что я остался в этой стране и извлек выгоду из всех ее законов и всех положений, которые дает нам правительство, я принял все это. Тот факт, что я процветал благодаря этой системе, показывает, что я показал свое согласие. Это демонстрация моего согласия соблюдать положения нашего общественного договора и все конкретные законы, которые эти правители создали с согласия тех, кем они управляют.

Итак, это критический элемент теории Локка. Другой — право на восстание или право на революцию. Поскольку правители правят только по согласию, существует постоянное соглашение, что обязанностью правителей, правителей является обеспечение соблюдения этих законов и справедливое служение людям.

Если они значительно отходят от этого, если они нарушают свою часть сделки и не выполняют своих обязательств по надлежащему управлению, созданию законов, суду законов и обеспечению их соблюдения, то они по сути

отказываются от своего права управлять нами. Это означает, что мы можем восстать против крайне репрессивного режима, потому что то, что сделал этот репрессивный режим, нарушив наши права таким образом и отступив от договора, заключается в том, что он отбросил нас обратно в естественное состояние. И в этом состоянии, тогда, у нас есть право восстать, восстать, начать революцию.

Это оказало большое влияние на наших отцов-основателей и их обоснование все эти годы спустя, позже в 18 веке, когда они решили, что британская корона была злоупотребляющей, настолько злоупотребляющей налогообложением без представительства и расквартированием солдат в домах людей и неуважением к собственности, что пришло время восстать. И вот, произошла революционная война. Наши отцы-основатели думали, что это простое, прямолинейное применение права революции Локка.

Итак, это важная отличительная черта политической теории Локка, которая повлияла на всю нашу жизнь. Если вы гражданин США, вы должны благодарить или проклинать Локка за это. Теперь это открытый вопрос, и мы поговорим об этом, когда будем говорить о войне, справедлива ли когда-либо революционная война.

Знаете, каковы стандарты справедливой войны? Для тех, кто верит в справедливую войну, есть пацифисты, которые не верят. Но если вы верите, что войны иногда справедливы, когда, если вообще когда-либо, уместна революционная война? Многие скажут «никогда», и тогда им придется сделать вывод, что американская война за независимость была несправедливой. И мы поговорим об этом.

Третий и последний теоретик общественного договора, более современный ученый по имени Джон Роулз, который много лет преподавал в Гарварде и написал эту знаменательную работу по теории общественного договора под названием «Теория справедливости». И не будет спорным сказать, что Роулз является самым важным теоретиком общественного договора 20-го века. Теперь он выбирает немного другой путь к фундаментальным правилам или принципам, которыми, по его мнению, мы должны руководствоваться в ситуации общественного договора.

Он считает, что мы должны выбирать принципы, которые наиболее справедливы. Вопрос в том, как нам этого достичь? И здесь он предлагает довольно новый мысленный эксперимент для достижения основных принципов справедливости. Он не апеллирует к понятию естественного состояния, как Гоббс и Локк.

Это полезная выдумка, в любом случае. Это не настоящая вещь. Это своего рода мысленный эксперимент.

Никто не знает, каким было изначальное состояние природы. Даже Гоббс и Локк должны были бы признать, что это всего лишь своего рода мысленный эксперимент. Джон Роулз утверждает, или предполагает, что другой мысленный эксперимент будет более полезным.

И это то, что он называет завесой невежества. Вопрос в том, какие принципы вы бы выбрали в качестве основополагающих руководящих принципов в обществе? Если бы вы были в состоянии, когда вы не осознаете, скажем, временно не осознаете, своего рода временная амнезия относительно подробностей вашей жизни, какой вы расы, какого вы пола, сколько вам лет, являетесь ли вы инвалидом или нет, каков ваш IQ, каковы ваши особые таланты. Предположим, вы забыли все эти вещи о себе.

Какие принципы вы бы выбрали в качестве тех, которыми руководствовалось ваше общество? Зная, что как только вы вспомните или ваша память о ваших конкретных характеристиках будет восстановлена, вы можете быть инвалидом, вы можете быть меньшинством, или вы можете быть белым, вы можете быть талантливым или нет в определенном смысле. Какие принципы вы бы выбрали? Вот как мы должны поступать в этом отношении, согласно Роулзу. Он считает, что этот мысленный эксперимент с завесой невежества приведет нас к самым надежным и полезным принципам справедливости.

Он останавливается на двух различных принципах, которые затем очень тщательно применяет к различным институтам, разрабатывая основы своей теории. Один из них — принцип равной свободы. Согласно принципу равной свободы, каждый человек должен иметь равное право на самую обширную основную свободу, которая совместима с аналогичной свободой для других.

Итак, давайте максимизируем свободу настолько, насколько это возможно, в той степени, в которой это совместимо со свободой всех остальных. Это своего рода применение или артикуляция идеи о том, что мое право размахивать рукой заканчивается на кончике моего носа. В общем, мы должны максимизировать свободу для отдельных лиц в той степени, в которой это совместимо со свободой других лиц.

Затем этот принцип компенсируется или сопровождается чем-то, что он называет принципом различия. Согласно этому принципу, который признает, что неравенство будет всегда. Неравенство в какой-то степени всегда неизбежно в обществе, где у вас много-много людей.

Итак, в какой степени это должно быть разрешено? Согласно принципу различия, социальное и экономическое неравенство должно быть организовано так, чтобы оно было единым, разумно ожидаемым, чтобы быть на пользу каждому, и, во-вторых, прикрепленным к должностям и службам, которые открыты для всех. Теперь этот принцип гораздо более спорен, чем принцип равной свободы с точки зрения научного внимания, обсуждения и дебатов. Но основная идея заключается в том, что в той степени, в которой есть неравенство, такое как социальное и экономическое неравенство, оно должно быть таким, чтобы каждый мог казаться, что он помогает или выигрывает от него.

Ну, что это значит? Как кто-то, кто находится в более низком социально-экономическом положении, может получить выгоду от того, кто находится в более высоком положении? Ну, если человек в этом более высоком положении делает вещи, которые являются социально ценными, это приносит пользу людям на других ступенях. Так, врач, скажем, нейрохирург, как Бен Карсон, вот парень, который чрезвычайно богат. Как он стал богатым? Он находится на самом вершине социально-экономической лестницы.

О, делать операции на мозге и спасать жизни, делать что-то, проводить процедуру и применять навыки, которых нет у остальных из нас. И он смог сделать это за годы, годы и годы интенсивных тренировок. Он был готов это сделать.

У него были когнитивные способности, а также твердая рука и терпение, чтобы сделать это. И поэтому я, безусловно, счастлив быть в обществе, где люди получают большую пользу и даже становятся миллионерами как нейрохирурги и делают всевозможную другую прекрасную работу в медицине, потому что это приносит мне пользу. И поэтому, это касается даже, в зависимости от того, кто вы, вы можете сказать, да, спортсмены и артисты, им тоже могут платить миллионы, потому что я действительно ценю музыку и кино и просмотр футбольных матчей на высоком уровне и так далее.

Но это те вещи, которые в контексте теории общественного договора Ролза мы можем обсуждать. Какие виды услуг или навыков есть у людей, за которые они зарабатывают много денег? Приемлемо ли для них зарабатывать так много денег? Действительно ли приемлемо для игрока НБА или другого профессионального спортсмена зарабатывать миллионы долларов в год, проталкивая резиновый мяч через металлическое кольцо или ударяя по коровьей шкуре ясеновой палкой? Серьёзно? Многие скажут: Бен Карсон, конечно. Нейрохирург, да.

Но я не так уж уверен, что Клейтон Кершоу, бросающий мяч со скоростью 95 миль в час снова и снова, должен принести ему сотни миллионов долларов. Так

что есть много деталей, которые мы можем здесь обсудить, но это базовая идея. Вторая часть принципа различия заключается в том, что эти социально-экономические неравенства на верхнем конце, где люди являются миллионерами и миллиардерами, эти возможности должны быть, по крайней мере, доступны всем.

По крайней мере, в принципе, это должно быть возможно для любого человека. Теперь, достижимо ли это вообще? Это, опять же, вопрос открытый, но это основная идея. Итак, Роулз широко развил эту теорию, и это еще одна версия теории контрактов.

Это та же самая базовая идея, что и у Гоббса и Лотта: должно быть некое формальное соглашение, которое будет составлять этот договор, и общество будет построено соответствующим образом. Итак, это довольно хороший вкус основных теорий общественного договора, и я думаю, что здесь есть определенные сильные стороны, которые нам нужно признать. Этика общественного договора дает нам несколько простых и правдоподобных ответов на некоторые сложные вопросы о том, как нам следует жить, по крайней мере, в полисе или в гражданском обществе.

Она устанавливает моральные правила даже для скептиков и релятивистов. Она охватывает всех. Я имею в виду, если вы живете в этом обществе с этим конкретным социальным контрактом, все эти правила применяются к вам, так что она охватывает всех, и это, кажется, сильная сторона этой теории.

Он также опирается на очень важное понимание, которое отражено в так называемой «Дилемме заключенного», которая является любимым видом мысленного эксперимента в теории игр, который показывает, что в определенных ситуациях люди, действующие в своих собственных интересах, будут делать выбор, который на самом деле не является оптимальным и который работает против их собственных интересов, и что самое рациональное на самом деле — быть готовым принести некоторые жертвы ради блага целого, и тогда это принесет пользу мне, принося эти жертвы и не будучи полностью поглощенным собой, что это будет к лучшему для меня и для всех остальных. Мы должны быть готовы пожертвовать некоторыми из наших интересов, чтобы достичь наших наилучших интересов. Это своего рода парадокс, отраженный в «Дилемме заключенного», который утверждается в этике общественного договора.

Итак, это существенные сильные стороны и идеи теории общественного договора. Однако есть и некоторые проблемы. Одна из проблем заключается в том, что теория общественного договора основана на некоторых мысленных экспериментах, которые не совсем надежны.

У вас есть историческая фантастика вроде «Естественного состояния» и мысленный эксперимент вроде «Завесы невежества». Насколько это заслуживает доверия? И, возможно, мои интуиции о том, что мы бы выбрали в качестве основных принципов или правил для управления обществом, не совпадают с теми, которые выбрали бы вы. И это делает права и обязанности искусственными.

Это своего рода надуманный способ прийти к моральным правилам. И действительно ли это моральные правила, а не политические предписания, которые на самом деле не достигают базового уровня морали? И он бы сделал эту критику, которая, я думаю, тоже важна. В-третьих, существует всеобщее согласие по определенным принципам.

Это не гарантирует, что сами эти принципы справедливы. Так что возьмите, к примеру, Ролза. Он останавливается на равной свободе и принципе различия, которые, как он считает, люди за Завесой Невежества выберут в качестве окончательных руководящих принципов для общества.

Во-первых, как он может быть так уверен, что это то, что выберут все? Разве не найдутся люди, которые не согласятся с этим? Может быть, большинство. Может быть, только Роулз и меньшинство лучших мыслителей остановятся на этих принципах. Мы как бы в его власти, когда читаем его книгу, верно? Что это принципы, которые рациональные люди выберут за Завесой Невежества.

Но еще более фундаментально то, что даже если это принципы, которые рациональные люди выберут, из этого не следует, что эти принципы сами по себе справедливы. Просто потому, что это принципы, с которыми люди склонны соглашаться, из этого не следует, что эти принципы сами по себе наиболее справедливы. Так что здесь есть скачок.

Это своего рода non-sequitur. Я думаю, что это фатальный недостаток теории Роулза, предполагающий, что вероятность выбора людьми определенных принципов гарантирует, что сами принципы справедливы. Таким образом, этика общественного договора — это способ разработки сельской утилитаристской точки зрения, которая чрезвычайно важна исторически.

И снова, все наши жизни были глубоко затронуты этим. И гениально во многих отношениях и очень практично. И с политической точки зрения, вы знаете, это может быть лучшим, что мы можем сделать.

Но есть еще недостатки, и самое главное, действительно ли этого достаточно для того, чтобы мораль охватывала наши самые глубокие моральные обязанности, обязательства и права? В теории общественного договора есть довольно существенное ограничение. Многие утверждают, я бы утверждал, что

эта теория полезна с политической точки зрения в создании общества с конституцией. Она на самом деле не очень помогает в плане того, чтобы рассказать нам, каковы наши самые глубокие моральные обязанности, универсальные моральные обязанности и права.

Итак, нам придется перейти к какой-то другой теории, которая была бы более адекватной. И это то, что мы сделаем дальше.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 4, Теория общественного договора.